

ФРАНСУА-
АНРИ
ДЕЗЕРАБЛЬ

НЕКИЙ
ГОСПО-
ДИН
ПЕКЕЛЬ-
НЫЙ

РОМАН

Перевод с французского
Наталии Мавлевич

издательство **АСТ**

Москва

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В мае 2014 года случайные обстоятельства забросили меня в столицу Литвы Вильнюс, на улицу Басанавичюса.

Один мой друг собирался жениться и позвал меня в свидетели. “Я хочу, — сказал он, — чтобы ты был распорядителем на поминках”. Я возразил, что еще как-то рановато, впереди у него много лет счастливой жизни и здоровье вроде бы отменное, однако пообещал, если что, позаботиться о его вдове. “На поминках по холостяцкой жизни”, — уточнил друг. “А! Ты имеешь в виду прогулку по Елисейским Полям в ковбойском костюме?” Нет, он имел в виду стриптиз и хоккей.

И вот мы взяли билеты в Минск, где проходил хоккейный турнир, — было задумано, что он послужит нам оправданием: пойми, любовь моя, ну что поделать, раз жених обожает коньки и клюшки и мечтает побывать на чемпионате мира, а он в этом году проходит в Белоруссии, где девушки так хороши собой, так белокуры и так охотно раздеваются? Впрочем, мы поклялись, приложив руку к сердцу и скрестив пальцы, что никуда, кроме катка и гостиницы, в Минске не пойдем. Нас было четверо, а в самолете оставалось только три ме-

ста, — не страшно, сказал я, возьму билет на вильнюсский рейс, а оттуда — поездом до Минска. Вот так я и очутился в Литве.

2

О Литве я имел самое общее, примитивное и весьма смутное представление. В голове крутилась какая-то дикая мешанина из легенд и веков: мне разом представлялось, как рыцари в броне гарцуют по сумрачным улицам, как царь-батюшка-отец-народов трясет за шиворот Гедимины, а войско аппаратчиков вступает в бой с татарским ханством. Ни складу ни ладу. Короче говоря, про Литву я не знал ничегошеньки. Кроме каких-то самых очевидных вещей: что это самая большая из трех прибалтийских стран, что там живут литовцы (пишется через “и”) и что их около трех миллионов. (Правда, еще я знал имя лучшего литовского хоккеиста, но подозревал, что оно мне вряд ли понадобится, а потому постарался стереть его из памяти, — оставлю его прямо тут, на этой вот странице: Дайнюс Зубрус, и забудем о нем.)

3

В тот день солнце в Вильнюсе бастовало, небо было заляпано серостью, дождь барабанил по обшивке самолетов — отменная, хотя и несколько однообразная для приветственного марша дробь. Я получил свой чемодан, взял такси и поехал прямо на вокзал.

Был полдень, до поезда в Минск оставалось еще два часа, значит, пообедать и купить билет я успевал, но город осмотреть — увы, в другой раз.

Ресторан располагался в полуподвале, типичный кабак со стенами из дикого камня, закопченными сводами и камином, где зимой разжигали огонь, — теперь же, весной, бесполезный очаг зиял своим огромным чумазым зевом; свисавшие с потолка две трескучие лампочки мертвенным светом освещали поношенный желтый дождевик единственного посетителя, молодого парня, который грузно облокотился, чтобы не сказать навалился на столик; одной рукой он подпирал себе щеку, другой сжимал пивную кружку.

Я уж хотел повернуться и уйти, но наши взгляды встретились; парень вылупил на меня тусклые глаза, и в глубине их вдруг затеплилась искорка — к нам шла официантка в королевском макияже. Молодая, еще моложе его самого, с белокурым шиньоном, в белой блузке с глубоким вырезом, в котором колыхались груди — пышные, тяжеловесные, как комплименты, которые он ей отвечивал (так мне казалось, хоть по-литовски я не понимаю).

Милостивым и величавым жестом королева властно указала мне на столик в углу. Я взял меню, оно было грубо закатано в пластик, на котором отпечатались пальцы предыдущих клиентов — неопровержимое доказательство их пребывания в этом месте, — и состояло из названий литовских блюд. Я заказал себе бургер. “А вай-фай у вас есть?” — “Да”, — ответила официантка и протянула мне клочок бумаги с записанным на нем паро-

лем ($X-fh^3_{pH-38}$ — такое не забывается). Набирать эту дурацкую комбинацию цифр, букв и черточек я отказался, достал из чемодана книгу, прочитал несколько страниц (так себе книжка оказалась) и положил ее на столик — мне подали мой бургер. Потом попросил счет (восемь евро восемьдесят сантимов).

Почему, достав из бумажника десять евро и направившись к официантке, я оставил его на столе, на самом виду, между пустой тарелкой и едва початой книгой? Есть тайны, разгадки которых мы вовек не узнаем. Как бы то ни было, когда я, расплатившись с королевой (явно не английской: я ей сказал *Keep the change* — в ответ на что она мне отсчитала один евро двадцать центов), вернулся к столику, на нем остались только книга и тарелка, бумажника и след простыл. Я повернулся к парню — вдруг он что-нибудь видел? Но он тоже исчез (решительно мне не везло). Итак, я оказался без гроша — не считая щедрой mzды, которой королева удостоила пажа, — в чужой стране, не зная ни слова на ее языке и никого из ее обитателей, разве что Дайнюса Зубруса, да и то лишь по имени. Поезд на Минск отправлялся через полчаса, а билета я так и не купил. На улице лил дождь.

4

Отец. Немедленно звонить отцу — выход не лучший, но другого не было. Не трата много слов, я обрисовал ему положение: Вильнюс, кабак и дождь — и попросил срочно перевести мне деньги через *Western*

Union. Потом остановил такси, доехал до ближайшего пункта компании, а заплатить пообещал, как только получу свой перевод. “Нннуу...” — промычал по-литовски таксист в меховой куртке (в мае месяце тут еще было прохладно). Тогда я сказал, что у меня есть один евро двадцать сантимов и я могу, если он хочет, оставить ему эту сумму в качестве задатка. “Нннуу...” — “Я сейчас же вернусь, — сказал я. — Минутное дело”. Через тридцать пять минут я уже мог купить билет, да поезд меня не дождался.

Я расплатился с водителем и отпустил такси — на что оно теперь. Ливень хлестал мне в лицо, в свете фар удалявшегося такси были видны косые струи. Следующий поезд Вильнюс — Минск отходил в тот же вечер, у меня было несколько часов — я мог бродить по городу, сколько хочу. Но куда мне идти? Что смотреть? Эх, ладно, потом разберемся. И я отправился завоевывать город; деревья грустно роняли капли; на тротуаре валялись размокшие листья; я шел куда глаза глядят и катил за собой чемодан, его колесики оставляли за собой две быстро тающие параллельные бороздки. Шагал вперед, кое-как прикрываясь от дождя книгой (не лучший зонтик). На первом перекрестке я свернул направо, прошел метров триста по длинной улице, не удостоив вниманием зеленые купола православной церкви на левой стороне (когда через три года я приехал в Вильнюс четвертый раз, эти купола из зеленых стали золотыми, такими, как были раньше, такими, подумал я, какими их, должно быть, каждый день видел он, выходя из дому), и снова повернул направо, на ули-

Некий господин Пекельный

цу Йонаса Басанавичюса. На желтом оштукатуренном фасаде дома номер 18 с подворотней, ведущей во внутренний двор, висела мемориальная доска, на которой по-литовски и по-французски значилось:

ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

И ДИПЛОМАТ

РОМЕН ГАРИ

(1914, Вильнюс –1980, Париж)

В 1917–1923 ГГ. ЖИЛ В ЭТОМ ДОМЕ,

КОТОРЫЙ ОН ОПИСАЛ

В СВОЕМ РОМАНЕ

“ОБЕЩАНИЕ НА РАССВЕТЕ”

Забыв про дождь, я застыл, ошарашенный, и громко проговорил: “В Вильно, на улице Большая Погулянка, в доме шестнадцать, жил некий господин Пекельный”.

5

Эта фраза выскочила не просто так. А потому, что когда-то давно я ее прочитал, она осталась в моих мыслях, впиталась в мозг и пребывала в спящем состоянии, среди других воспоминаний, этих разрозненных клочков, которые витают в лимбах памяти и иногда вдруг неожиданно-негаданно выныривают наружу.

6

Я укрылся в подворотне и проверил по интернету, этому современному дополнению к памяти: да, верно, Большую Погулянку переименовали. Теперь она называется улицей Йонаса Басанавичюса, а дом, прежде имевший номер шестнадцать, стал восемнадцатым. Значит, и в самом деле здесь, в желтом здании под номером 18 по улице Йонаса Басанавичюса, бывшем раньше домом номер 16 по Большой Погулянке, жил Ромен Гари с семи до одиннадцати лет, то есть с 1921 по 1925 год (а не с 1917-го по 1923-й, как было указано на мемориальной доске, перед которой я стоял, весь мокрый, почти сто лет спустя), когда он еще носил фамилию, под которой родился: Кацев, Роман Кацев, а не ту, вымышленную, которая стала потом его литературным псевдонимом.

Дождь кончился. Тучи растворились, тщательно протерев небо до синевы. Показалось солнце, и я вступил во двор, как в святилище, безмолвно и с невольным благоговением. Тут уже не было, как сто лет назад, ни дровяного склада, где среди поленьев заливался слезами маленький мальчик, ни кучи кирпича, оставшейся от завода боеприпасов. Исчезли и сараи. Зато пустырь никуда не делся, теперь он был уставлен автомобилями, в чьих блестящих от дождя капотах отражалось небо, несколько деревьев, кровли окрестных домов. В одном из них — в котором? — жил Роман Кацев. В другом — или в том же самом — некий господин Пекельный.

7

Как отличить, где настоящая литература, а где нет? “Если вы не получаете удовольствия, когда перечитываете книгу, — говорил Оскар Уайльд, — то ее и первый раз читать незачем”. Это критерий субъективный и завышенный, слишком завышенный и слишком узкий, но я с ним согласен: если тянет перечитать, значит, это литература.

Я много раз читал и перечитывал “Обещание на рассвете”: в Апулии знойным августом, в Вильнюсе, в мини-республике Ужупис, под Рождество, в Юрмале в зимнюю пору на заснеженных балтийских берегах, даже брал эту книгу с собой в трек по Непалу и там однажды утром прочитал из нее несколько страниц у самого подножия Аннапурны. Я читал ее всегда и везде, но до сих пор каждый раз, открывая эту “абсолютно подлинную, без капли вымысла автобиографию”, я неизменно становлюсь тем юношей, который впервые листал ее, лежа в постели на бело-зеленых простынках, в маленькой комнате кирпичного дома номер восемнадцать на шоссе Жюля Ферри в Амьене.

8

Мне было семнадцать, и все свое время я проводил не за чтением, а на коньках и с клюшкой на льду. Я только что вернулся из Америки, куда уехал год назад, имея с собой только хоккейную сумку, на-

полненную несбыточными мечтами. Директор амьенского лицея “Провиданс”¹ со скрипом принял меня в выпускной класс. Ведь предыдущий класс я пропустил — не принимать же всерьез американский лицей, куда я ходил только на те предметы, которые мне нравились, то есть самые бесполезные, а всякую химию и математику посылал куда подальше. “В конце года, мадам, — говорил моей маме директор, — у нас экзамен по французскому”, — и уверял ее, что, поступая сразу в последний класс, я “рискую остаться на второй год”. — “Мой сын, месье, — гордо отвечала мама, — не может терять столько времени, его ждет большое будущее. Он напишет *диссертацию*”. Это священное слово она произнесла с особым нажимом. “Но, мадам...” — Директор попытался что-то возразить. “Никаких *но*”, — прервала его мама. Директор сдался: “Что ж, я вас предупредил”.

Я же, балбес, сделал все, чтобы подтвердить его опасения: в тот год я особенно прилежно бездельничал, особенно на французском. Из двух десятков книг, предписанных школьной программой, я прочел только одну. Наверняка в списке было множество шедевров, и я вполне мог бы облюбовать какой-нибудь из них, к примеру “Сида”, “Жака-фаталиста” или “Слова”, — но нет — мой выбор пал на “Обещание”. Почему? Сам не знаю. Может, из-за обложки. На ней автор в форме лейтенанта авиации, штурмана стоял навтыяжку перед пло-

¹ Лицей “Провиданс” — престижная католическая школа в Амьене, среди ее выпускников французский президент Эмманюэль Макрон. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

хо различным самолетом — кажется бипланом, но не точно. На нем шлем, летные очки, кожаная куртка, “которая немало способствовала привлечению молодежи в авиацию”.

Год 1942-й или 43-й. “Обещание на рассвете” еще не написано — пока он еще только проживает все, что потом расскажет в книге.

Трудно сказать, что меня так приворожило в этой истории. Детство в Вильно и в Ницце, личное и всенародное сопротивление, блестящий триумф? Или фигура Мины Кацевой, этой неистовой, тиранической, любящей матери, любящей слишком, чрезмерно, определяющей за сына его судьбу? Или, быть может, довольно странное совпадение: моя собственная мать родила меня в том же возрасте, что и мать Ромена Гари, день в день. Я все читал и перечитывал “Обещание”, а между тем пришла пора подготовки к экзаменам. Лично я и не думал заниматься: какая дикость — сидеть и корпеть над книжками, когда весна переливается в лето, когда на улицах и в парках меня ждет июнь, ждут девушки! Я так хотел, чтоб они были уступчивы, услужливы, послушны; и сама мысль о том, что между изъявлением и исполнением желания может существовать отсрочка, была мне совершенно нестерпима. Мой вид выражал эту готовность вполне внятно и выпукло, ну а до дела все никак не доходило. Девушки точно сговорились и твердили: что ты! после экзаменов — еще куда ни шло, но не теперь — ведь нужно же готовиться. Только в семнадцать лет они бывают так серьезны, что зубрежка им важнее поцелуев. Мне бы хотелось видеть их в своей по-

стели, раздетых, разомлевших, чтобы я мог сначала насмотреться, а потом хищно накинуться на них, но вместо этого я должен был сидеть один, несолоно хлебавши, с несатым либидо *ad libitum*¹ и, позабыв о куче непрочитанных книг, читать зачитанный до дыр роман Ромена Гари.

Наступил день устного выпускного по французскому. Шанс проскочить — один из двадцати. Я явился на экзамен без малейшей надежды, так приговоренный к смертной казни, которого ведут с завязанными глазами, скрученными за спиной руками и спрашивают, хочет ли он что-нибудь сказать напоследок, зная, что вот-вот грянет залп, угадывая в десяти шагах перед собой офицера с саблей наголо и расстрельный отряд с ружьями наготове, набирает в грудь воздуха и во всю мочь командует: “Пли!”

Но ружья не выстрелили. Случилось чудо. “Что вы можете рассказать о седьмой главе «Обещания на рассвете»?” Я застыл, раскрыв рот, так что экзаменаторша решила, что я ее не читал. “Ну, помните, то место из книги Ромена Гари, — уточнила она, — где говорится о некоем господине Пекельном?” И тут я разразился подробной биографией автора, проанализировал текст, указал его истоки, долго говорил об этом самом господине Пекельном и вдобавок разобрал стилистические фигуры: всякие метафоры, перифразы, литоты (даже один примерчик зевгмы отыскал). Экзаменаторша осыпала меня похвалами и даже расцеловала. Мы расстались лучшими друзьями.

1 Здесь: в свое удовольствие (лат.).